

ИРИНА РЕЙЕВНА ТАКАЛА

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы исторического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
irina.takala@onego.ru

ОТ ФЕННОФИЛЬСТВА К ФЕННОМАНИИ: ХЕНРИК ГАБРИЭЛЬ ПОРТАН И СТАНОВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ МЫСЛИ ФИНЛЯНДИИ*

В статье рассматриваются особенности финляндской общественной и национальной мысли второй половины XVIII века, выявляется специфика финляндского Просвещения. Основное внимание уделяется философскому наследию Хенрика Габриэля Портана, которое оказало большое влияние на становление гуманитарного знания в Финляндии и развитие финского национального движения в XIX веке.

Ключевые слова: история Финляндии, Просвещение, национальная мысль, Х. Г. Портан, фенноманы, Туркуский университет (Або Академия)

В начале 1840-х годов, когда национальное движение в Финляндии набирало силу, один из лидеров фенномании, журналист и начинающий писатель Захариас Топелиус в своей газете «*Helsingfors Tidningar*» опубликовал ироническое стихотворение «Великое Ничто»:

Рассмотрим страну у Лапландской границы,
Где лед как алмазы годами светится,
Нет, это не Франция – что не ошибка!
И не Германия – примем с улыбкой!

Нет золота Англии – это ль не страшно?
Достаточно жестко и мрачно окрашено?
Здесь хлеб из пшеницы совсем не едят,
И на сосне не растет виноград!

Нет финской промышленности – где наш
Манчестер?
Торговли – добьемся ль Голландии чести?

Для земледелия нужно гуано,
Для сыра – коровы, их нет, как ни странно.
И дым паровоза не видел мой дом;
Жестоко, но так уступаем во всем!

<...>

А есть ли идеи у тех, кто не пишет?
Образованье? – Смешно это слышать:
В Германии в день пишут то, что мы в год,
Нам не понять этой мысли полет.

<...>

Есть университет – улыбнись же, приятель!
Там величайший – Портан-собиратель,
Благие намеренья, борзый писатель,
Но не вневременных мыслей создатель.

<...>

Я громко кричу, пусть и что-то упущено:
Здесь больше того, чего *нет*, а не *сущего*,
И все есть ничто, и конец не случайный.
Ничто это все? – Разгадайте мне тайну!*

Это была сатира Топелиуса на статьи Йохана Вильгельма Снельмана в только что созданной им газете «*Сайма*». Так же, как Адольф Ивар Арвидссон в начале 1820-х годов, Снельман начал свой путь лидера фенноманского движения с жесткой критики всей окружавшей его финляндской действительности. По его мнению, Финляндия безнадежно отстает от стран Европы в своем экономическом, политическом, духовном развитии, а финская нация уже «опускается в могилу»². Виновны в этом образованные слои общества, не желающие понимать духа времени, выходить за рамки культурной фенномании и соединять проблемы национального развития с вопросами государственного строительства.

Действительно, в начале 1840-х годов многие деятели финского национального движения продолжали выстраивать концепции развития края на неогуманистических представлениях о финнах как «неполитической нации», которой политические интересы всегда были и будут чужды. Финской национальной культуре, по их мнению, надлежало развиваться в русле «чистой культуры», в стороне от социально-политических движений эпохи. Большое влияние на формирование подобных взглядов оказали идеи философа Йохана Яако Тенгстрема, ученика упомянутого в стихотворении Топелиуса Хенрика Габриэля Портана, которые во многом перекликались с гуманистическими идеалами учителя. В работах Тенгстрема впервые выдвигается антитеза Финляндии и Европы: патриархальная финская самобытность противопоставлялась европейской буржуазной цивилизации³. Эти идеи хорошо прослеживаются в творчестве Йохана Людвига Рунеберга, чьи произведения 1830-х годов – прежде всего «Охотники за оленями» и «Сказания фенрика Столя» – заложили основы финского «официального национализма» [2; 199].

О самом Портане к тому времени мало кто уже вспоминал. Однако еще двадцать лет спустя, когда и в Финляндии созрела потребность в знаковых национальных фигурах, вокруг которых можно было бы объединить общество, трудолюбивый и педантичный профессор Туркуского университета XVIII века, действитель но очень много сделавший для развития гуманитарного знания, но мало подходивший на роль национального героя [2; 205–207], был возведен финнomanами в этот ранг. Поставленный в 1864 году в Турку памятник Портану стал первым монументом Финляндии, сюжет которого не имел библейского или императорского подтекста. На постаменте воздвигнутого на добровольные по жертвования памятника были выбиты слова: «Возвысившему Финляндию и финский народ» [27; 214].

Так кто же такой был Хенрик Габриэль Портан, каков его вклад в становление философской и общественной мысли Финляндии и в какой степени его творчество оказало влияние на формирование финского национального идентитета?

В финляндской историографии историю национального строительства и финского национализма, как правило, начинают с момента присоединения Финляндии к России. Мало кто связывает напрямую идеи национального развития, декларируемые финнomanами середины – второй половины XIX века, с мыслями их предшественников – феннофилов и просветителей XVIII столетия. Да и само понятие «эпоха Просвещения» применительно к Финляндии практически не используется. Утвердившееся в финляндской национальной историографии иное понятие – «время Портана» [25], [29], [30] – скорее, было призвано дистанцировать финляндскую науку и философскую мысль XVIII века от общеевропейского просветительского движения. Подобный подход перекликается с утверждением некоторых шведских историков о том, что просветительство – это прежде всего французское явление и к Швеции «эры свобод» и густавианского времени его трудно применить: учеными королевства лишь транслировались некоторые идеи французских энциклопедистов, при этом влияние мистики и оккультизма было гораздо сильнее, нежели просветительской идеологии [14; 26], [26; 66–68].

Вместе с тем в последнее время в Финляндии появилось немало работ, которые вступают в полемику с устоявшимися конструктами национальной историографии. Так, в работах Юхи Маннинена история финляндской науки и национальной мысли XVIII века исследуется в общеевропейском контексте и культурные перевороты, происходившие в Финляндии того времени, оцениваются как весьма значимые для формирования национальных идей финнomanов XIX столетия [26], [32]. Нам также представляется

вполне правомерным говорить о финляндском Просвещении, признание которого очень важно для осмысливания последующего нациестроительства. Надо только принимать во внимание его своеобразие, обусловленное целым рядом факторов, связанных со спецификой экономического, политического, национального развития этой восточной окраины шведского государства.

До 1809 года Финляндия входила в состав Шведского королевства на правах Великого княжества (с 1581 года), с 1623 года имела должность генерал-губернатора, собственные административные и культурные учреждения, вполне самостоятельную церковную организацию и своих представителей на сессиях ригсдага. Тем не менее говорить о равноправном положении обеих частей государства не приходится: княжество, по сути, было отдаленной, в экономическом отношении слабой, в политическом – полностью подчиненной Стокгольму провинцией. В период великодержавия, и особенно с утверждением в Швеции абсолютизма, нарастают унификационные тенденции, направленные на интеграцию обеих частей королевства, которые в XVIII столетии зачастую обретают уже форму открытой «шведизации» Финляндии [3; 64–80], [12; 198–199], [13; 112], [36; 25]. Немаловажная роль в этом плане отводилась основанному в Турку в 1640 году университету (Academia Aboensis). Языками преподавания в Або Академии были традиционная латынь и шведский, большинство профессоров (а на первых порах и студентов) были шведами, и одним из назначений высшей школы Финляндии становится дальнейшее распространение там шведского языка и культуры. С этими же целями – великодержавная Швеция остро нуждалась в хороших чиновниках и священнослужителях на местах – создаются высшие учебные заведения на вновь завоеванных землях: в 1632 году был основан университет в Тарту (Academia Gustaviana), в 1666-м в Лунде [24; 48–52, 66–67, 117–119, 176–177].

Столетний период великодержавия был ознаменован важными событиями не только во внутренней политической жизни Швеции, но и в духовной сфере: XVII век стал временем зарождения шведской профессиональной нерелигиозной философии. Многие выдающиеся представители европейской науки и культуры посещали страну (например, Ян Коменский) или даже состояли на шведской государственной службе (Гуго Гроций, Самуэль Пуфendorf, Рене Декарт), что расширяло возможности проникновения в страну передовых идей из-за рубежа. Процессы секуляризации культурной жизни особенно явственно проявляются во второй половине XVII века, когда в Швеции укрепляются позиции картезианства [4; 25, 48].

Происходившие перемены не могли не отразиться на Финляндии. О первом появлении некоторой самостоятельности финляндцев в духовной сфере можно говорить применительно к движению феннофильства – культурного течения, зародившегося в образованных кругах финляндского общества на рубеже XVII–XVIII веков. Движение стало реакцией на политику унификации и свидетельствовало о пробуждающемся национальном самосознании. Наиболее ярким представителем этого культурного течения был профессор и ректор Туркуского университета, позднее епископ Порвоо и Скара Даниэль Юслениус (Daniel Juslenius, 1676–1752).

Аргументы, к которым прибегали феннофилы, были вполне созвучны времени и господствовавшему тогда среди шведских историков ультрапатриотическому направлению (так называемый етицизм), согласно которому прошлое шведского народа и государства проецировалось непосредственно в библейскую древность. Так, естествоиспытатель и поэт Улоф Рюдбек в своей нашумевшей книге «Атлантида» («*Atlantica Sive Manheim, Vera Japheti posterorum sedes ac patria*», главная часть издана в 1679 году) доказывал, что превращение Швеции в великую державу берет начало в гордом духе древних шведов (етов) и что именно Швеция была той страной, которую Платон описал как колыбель мировой цивилизации [3; 26], [10]. Феннофилы же верили в древнее государство финнов, считая их «историческим народом». Юслениус в своей диссертации «Старый и новый Турку» («*Aboa vetus et nova*», 1700) писал, что именно финны были древнейшим народом земли, прямыми потомками Яфета, переселившимися на Север под предводительством Магога, «первого их короля». Соответственно и финский язык был «изначальным», столь же древним, как древнееврейский и древнегреческий⁴. Это возвеличивание всего финского не имело под собой никакой политической подоплеки, однако свидетельствовало о желании определить для финнов свое собственное место среди народов мира и в Шведском государстве.

По мере распространения в Северной Европе идей Просвещения характер феннофильства постепенно меняется, интерес к культуре, истории и будущему финского народа начинает приобретать социальную направленность и научную основу. В первой половине XVIII века среди ученых Туркуского университета утвердилась немецкая философия Лейбница – Вольфа, свойственная и раннему шведскому просветительству. С развитием естественных наук и новыми открытиями в этой области на смену вольфианской метафизике приходит интерес к материалистическому эмпиризму Джона Локка. Идеи Просвещения распространяются в Финляндии

особенно быстро с 40-х годов XVIII века и проникают во все сферы общественного сознания.

Разорительные русско-шведские войны (только в XVIII столетии их было три) крайне пагубно сказывались на хозяйстве Финляндии, поэтому в первую очередь в крае зарождается интерес к экономическим проблемам. Увлечение экономикой и естественными науками было настолько глубоко и получило такое распространение, что некоторые исследователи говорят о целом направлении «экономического просветительства» в финляндской общественной мысли [20; 243]. В этой связи прежде всего следует упомянуть имена таких ученых Туркуского университета, как П. Калм, П. А. Гадд, Л. Ю. Эренмальм, Н. Хасселбом, Ю. Броваллиус, Я. Гадолин, К. Ф. Меннандер. Деятельность их носила прикладной характер и была направлена на решение насущных задач экономического развития края [8; 238–242]. Главное внимание уделялось исследованиям в области сельского хозяйства и краеведческой работе.

Экономические вопросы волновали не только специалистов, ими в той или иной степени занимались все финляндские просветители. Скромный сельский пастор из Похьянмаа Андерс Чудениус⁵ (Anders Chydenius, 1729–1803) стал автором двух сразу же получивших широкую известность экономических сочинений «Источник слабости государства» и «Национальная прибыль» (1765)⁶, за что вошел в историю Швеции как видный теоретик «экономического либерализма», наряду с Андерсом Норденкранцем [4; 52]. В Финляндии Чудениуса иногда называют «духовным братом» и даже «предшественником» Адама Смита, сравнивая его «Национальную прибыль» с «Исследованием о природе и причинах богатства народов» (1776) великого английского политэконома [11; 85], [39]. В какой-то степени это сопоставление правомерно: у них были одни учителя – английские философы-материалисты XVII века и французские физиократы. Идеи свободы торговли и предпринимательства, что называется, витали в воздухе, финляндский пастор пришел к ним независимо от шотландского экономиста и обосновал, насколько хватило знаний и опыта. Чудениус не владел методом логической абстракции и не поднимался до теоретических обобщений, в своих работах он решал исключительно практические задачи: обосновать и рекомендовать такую экономическую политику, которая обеспечила бы «национальную прибыль» и тем самым процветание шведского государства [1; 708–709], [7; 99–105]. Хорошее понимание окружающей действительности и знакомство с передовыми идеями Западной Европы позволили Чудениусу в условиях отсталой Финляндии делать выводы, выдающиеся для своего времени и своей страны.

Специфика духовной жизни финляндского общества заключалась и в том, что здесь, наряду с могучим мирским культурным потоком просветительской идеологии, ощущалось весьма серьезное влияние пietизма. Сторонники этого направления (к которым относят и Чудениуса [41; 444]) брали на вооружение некоторые из внешних атрибутов эпохи Просвещения, ратовали за расширение народного образования, подчеркивали первенствующее значение морали. В таком виде пietизм постепенно превращается в своеобразную форму религиозно-этического приспособления личности к складывающейся системе новых буржуазных ценностей.

Вообще, в финляндской общественной мысли чрезвычайно сильна была этическая направленность. Красной нитью во всех экономических, философских, теологических, естественно-научных изысканиях проходит неизменный интерес к этическим проблемам, к вопросам нравственного сознания, свободы и долга человека. В этом плане религии, как одной из основ морали, отводилось очень большое место. Какой бы степени радикализма идеи ни высказывались, вопрос об отрицании религии ни у кого не стоял. Пастор Чудениус в своих социально-экономических произведениях, политических речах и статьях мог заходить на удивление далеко, требуя преобразований шведского и финского общества в крайне либеральном, а порой даже радикально-демократическом духе. Защищая гражданские свободы, декларируя постулаты о равенстве и народном государстве, он мог ссыпаться на Локка, Монтескье, Руссо, Вольтера, Гельвеция. Но деизм Вольтера и тем более материализм и атеизм Гельвеция были ему абсолютно чужды, даже ненавистны [41; 445–454].

Религиозные взгляды финляндских просветителей формировались под влиянием вольфианства, и постулат Вольфа о том, что между наукой и религией нет бездны, оставался доминирующим и после знакомства финнов с материалистическими идеями английских и французских просветителей. Весьма показательной в этом плане можно назвать деятельность Карла Фредрика Меннандера (Karl Fredrik Mennander, 1712–1786) – ученого-естествоведа, профессора Туркуского университета и крупного церковного деятеля. Всей своей жизнью и работой, сначала как университетского преподавателя, а затем в качестве Финляндского епископа и Упсальского архиепископа (1775–1786), он доказывал основной постулат эпохи Просвещения: знание – сила, всемерно распространяя это знание в самых широких слоях общества [18], [20; 44–46], [23; 67–72]. Вместе с тем (уже сами его высокие церковные должности об этом свидетельствуют) он не видел бездны между наукой и религией. Будучи профессором, Меннандер согласно духу времени давал ученикам темы диссертаций по естественной теологии (напри-

мер: «Ornitho-Theologiae», «Ichthyo-Theologiae», 1751; «Aphorismi philosophici de gloria Dei ex justa consideratione fertilitatis terraæ», 1748), и в этих работах естественно-научные достижения трактовались как свидетельства существования Бога и его всемогущества [18; 141–142]. При этом велась действительно серьезная научная работа, огромное внимание уделялось собственно практическим исследованиям, необходимым для реальной практической жизни.

«Эра свобод»⁷ пробудила в образованных слоях финляндского общества и широкий интерес к государственным и общественным вопросам, о чем свидетельствует политическая деятельность Чудениуса в качестве депутата риксдага. Его социально-политические воззрения базировались на теории естественного права в ее локковской трактовке, он мечтал о «народном государстве», где все подданные счастливы и свободны в своем выборе. Само по себе государство («корона») ничего собой не представляет, оно «существует ради подданных, а не подданные ради него». Поэтому правители должны делить свою власть с народом, а чтобы это могло произойти, народ должен быть свободным и просвещенным⁸. Идеи Чудениуса о переустройстве общества вполне сопоставимы и с эгалитаризмом Руссо: равное распределение частной собственности среди граждан, утверждение подлинного народоправства, программа мер по коренному улучшению жизни простого народа и так далее⁹.

Вместе с тем радикализм, присущий Чудениусу, не был свойственен в целом финляндскому просветительству. Фигурой номер один, человеком, символизирующим эпоху и определившим основные направления развития общественной мысли, национальных идей и гуманитарного знания в Финляндии, был профессор Туркуского университета Хенрик Габриэль Портан (Henrik Gabriel Porthan, 1739–1804).

Портан родился в семье пастора Зигфрида Портана, его мать Кристина Юсления принадлежала к известному западно-финляндскому роду Юслениусов. Хенрик Габриэль в связи с болезнью отца с пятилетнего возраста воспитывался в доме дяди, Густава Юслениуса, племянника знаменитого фенофила Даниэля Юслениуса, имея перед глазами, по словам Ялмари Яакколы, «прекрасные образцы для подражания, как в научном, так и в патриотическом плане» [17; 225]. После окончания Туркуского университета он служил библиотекарем и директором университетской библиотеки, а с 1777 года и до конца жизни – профессором риторики. С университетом была связана вся жизнь Портана: дважды он избирался ректором и деканом философского факультета, долгие годы был куратором студенческого землячества Похьянмаа, участвовал в создании Финляндского экономического общества, был его председателем.

Философией Портан начал серьезно заниматься еще в студенческие годы. Большое влияние на формирование его мировоззрения оказал профессор Хенрик Хассель, которого иногда называют основателем школы эмпиризма в Турку [19; 26]. Другой его учитель и друг – Карл Фредрик Меннандер – подтолкнул Портана к изучению истории и фольклора Финляндии [36; 13–14]. В этих работах вполне очевидно и серьезное влияние философии Гердера, которого сам Портан называл «одним из гениев Германии» [35; 7] и которому он был обязан своим историзмом и взглядами на развитие национальной культуры и языка.

Весьма важным для эволюции взглядов Портана стало его знакомство с Геттингенской школой. Он посетил Геттингенский университет в 1779 году (единственная зарубежная поездка Портана), слушал лекции ориенталиста и богослова Йоганна Давида Михаэлиса, познакомился с Августом Людвигом Шлецером, в журнале которого была опубликована его статья о Финляндии [22; 39–41]. Немецкие ученые уже активно применяли в гуманитарной области методы классификации, разработанные Карлом Линнеем для естествознания. Очевидно, что большое впечатление на Портана произвел метод Шлецера классифицировать языковые родственные связи народов с точностью, присущей естественным наукам, и его идеи, высказанные вслед за шведским филологом Йоханом Ире, об использовании данных языка в исторических исследованиях и о критике исторических источников с лингвистической точки зрения [9; 476], [28; 26].

Лекции и диссертации¹⁰ Портана, в которых сосредоточено все его основное наследие, свидетельствуют об энциклопедичности его знаний. Он был знаком с наследием античных мыслителей, английских, французских, немецких, шведских философов, внимательно следил за всеми новыми течениями. О каком-то самостоятельном философском учении Портана говорить не приходится, его мировоззрение было достаточно эклектичным, расплывчатым, порой противоречивым. Научный критицизм, присущий Портану, не позволил ему усвоить полностью учения какого-либо философа, руководящим принципом его во всем был «*Sobria dubitatio*» – разумное сомнение, который лейтмотивом звучит во многих диссертациях¹¹. Знакомясь с новыми идеями и течениями, он старался выбрать «золотую середину», чтобы двигаться дальше. Так, в своих лекциях по логике Портан пытался примирить просветительский рационализм с эмпиризмом Бэкона и Локка, считая, что и разум, и опыт являются равноценно важными источниками знания. Во многом следуя философии Локка, он не принимал его материализма, но в то же время отрицал и субъективный идеализм¹² [35; 10–12].

Вслед за французскими просветителями Портан активно выступал против церковного фанатизма и разного рода предрассудков, которые считал аберрацией разума и «самыми большими врагами человеческого счастья». У него была жестокая неприязнь ко всякой мистике и лжеучениям, самым большим врагом просвещения в Швеции и Финляндии он считал широко распространившееся тогда мистическое учение Эммануэля Сведенборга¹³. Однако не менее вредной и опасной крайностью, по его мнению, был деизм просветителей, не говоря уже об атеизме. В диссертации 1801 года «О преступности атеизма»¹⁴ Портан развивал мысль о том, что уход от веры ведет к падению нравов и к историческим катаклизмам вроде Французской революции. Веря, как все просветители, в большую силу и возможности воспитания, он считал религию одним из важнейших средств в деле воспитания нравственного, счастливого человека.

Такой противоречивый подход наблюдается во всем творческом наследии Портана, что заставляет ученых до сих пор спорить, характеризуя его философские взгляды. Одни исследователи считают его чистым эмпириком [25; 345], указывая на то, что английский эмпиризм во времена Портана уже серьезно противостоял немецкому рационализму и в этом Туркский университет даже опережал Упсальский [26; 49–53]. Другие, наоборот, находят в философских диссертациях Портана критику Локка и сильное воздействие на его мышление рационалистических идей Декарта, Лейбница, Вольфа [31; 12]. Для одних ученых влияние философии Гердера в работах Портана очевидно [35; 7], другие считают это влияние крайне незначительным [33; 268–270; 289].

Представляется, что как-то однозначно охарактеризовать философские взгляды Портана невозможно. Его взгляды постоянно менялись под воздействием новых идей. Три или четыре новых системы в философии, считал он, способны уничтожить предшествующие учения и дать дорогу следующим [35; 9]. Сам он ни принимал, ни отстранял никакие идеи, пока тщательно их не изучит. Новое для него в первую очередь означало понять. Мировоззрение Портана ближе всего философии умеренного, рационального Просвещения с его религиозным компромиссом и параллелизмом духовной и светской культуры. Он не считал нужным вдаваться в сложные понятия и абстракции, сосредоточившись на образовательных и воспитательных функциях философии. Этим объясняется выборочное отношение к тем или иным философским учениям и неприятие философии Канта, которую он считал ненужной в силу ее сложности и оттого непригодной для широкого просвещения. Выступал Портан и против скептицизма Канта относительно силы человеческого разума, а также

его критики доказательств существования Бога¹⁵ [29; 159], [34; 427, 430]. Сам Портан к философии относился весьма прагматично. Предпочтение он отдавал логике, этике и психологии, считая их наиболее важными и полезными науками для повседневной жизни [34; 426], а практическая связь науки с жизнью была для него чрезвычайно важна.

В этике Портан был приверженцем эвдемонизма, считая естественным стремление каждого человека к счастью. Для достижения настоящего счастья, а не наслаждения в гедоническом понимании этого слова, необходимы ум, добродетель и чистая совесть. Критические поиски правды делают человека морально хорошим и счастливым, а разум учит строить свое счастье, принимая во внимание интересы других людей¹⁶. Между светом знаний и человеческим счастьем есть естественная связь¹⁷.

Особое отношение у него было к психологии, он видел в ней основу этики, логики и педагогики¹⁸. Портан рано усвоил английскую ассоциативную психологию, одним из первых в Финляндии обратился к исследованию таких явлений, как сны, видения, экстазы, сомнамбулизм, пытаясь объяснить, что в них правда, а что вымысел [35; 14–15]. Особенно глубокого понимания человеческой психологии у него еще не было, но он пытался спорить с Гельвецием по поводу тезиса об одинаковых возможностях у всех людей к мыслительной деятельности, не отрицая значения врожденных или наследственных качеств¹⁹. С другой стороны, как и Гельвэций, Портан верил в большие возможности воспитания и образования, поскольку именно они являются дорогой к общественному прогрессу.

Вопрос о роли воспитания и образования в формировании человека, полезного обществу и своему народу, был центральным в педагогических воззрениях Портана. Он считал, что основная обязанность человека – быть полезным, и не только для современников, но и для будущих поколений²⁰. Поэтому так важно, чтобы государство заботилось об образовании и воспитании молодежи. Он размышлял об оптимальной организации школьной системы, академического образования, о создании специальных учебных заведений для подготовки учителей²¹ [38; 21–24, 27–35]. Исследуя закономерности и принципы обучения, определяя образовательные методики, Портан фактически первым в Финляндии обратился к дидактике.

И в этом плане его собственная педагогическая деятельность оказалась чрезвычайно важной. Будучи профессором риторики, Портан читал в Туркском университете лекции и по философии, педагогике, теологии, логике, этике, истории, языкознанию, эстетике, то есть практически по всем дисциплинам гуманитарного образования. Следуя собственным принципам,

он стремился воспитать из своих учеников гармоничных, критически мыслящих и всесторонне образованных чиновников и священников.

Нам представляется, что творческое наследие Портана и его роль в истории Финляндии в первую очередь следует оценивать с точки зрения его преподавательской деятельности. По мнению ряда исследователей, в университетах Финляндии никогда не было педагога, который бы оказывал такое огромное влияние на молодежь, как Портан [21; 3]. Епископ Якоб Тенгстрем в своей речи в ноябре 1804 года, посвященной памяти Портана, назвал его «учителем всей Финляндии» [40; 1]. Действительно, к началу XIX века почти все священники, чиновники и преподаватели края прошли школу Портана.

Несмотря на всю свою расплывчатость, философское мировоззрение Портана, его критический образ мышления, представления о жизни были глубоко гуманны и народны. В условиях тогдашней Финляндии, где в этой области практически ничего еще не было, философские взгляды профессора, у которого училась почти половина всех студентов университета [15; 165], конечно, оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие финляндской общественной мысли. Осторожность, взвешенность, обстоятельность и при этом открытость новым идеям и веяниям (но со всесторонним учетом их возможных последствий) – это, пожалуй, можно назвать квинтэссенцией финляндского просветительства, в основе которого лежали философия «здравого смысла» и принципы общественной целесообразности.

В том же ключе развивались во второй половине XVIII века и идеи о будущности Финляндии, финского языка и народной культуры. Работа, начатая финнофилами, усилиями просветителей обретает все более прагматичный характер, а языковые, фольклорные, исторические исследования – уже вполне научный вид.

Основным предметом многочисленных научных изысканий Портана были фольклор и история финского народа, а самого его впоследствии стали называть «отцом финляндской историографии» [17]. В своих фольклорных и языковых исследованиях Портан постепенно отказывается от теологической точки зрения на происхождение языка, хотя первые его работы писались вполне в финнофильском духе. Вслед за европейскими учеными он начинает отстаивать взгляды, согласно которым финно-угорские народы представляли собой самостоятельную языковую семью. Такая точка зрения подчеркивала уникальность финнов, более не связывая их с иудеями, скифами, греками и другими древними народами. Опираясь на работы предшественников, дополняя их новыми источниками, используя новые методы исследования, Портан первым в Финляндии сумел создать достаточно стройную

и значительную для своего времени концепцию происхождения и расселения финно-угорских народов.

Самой значительной в этом плане его работой стало издание комментариев к «Хронике финляндских епископов» Павла Юстена (Pauli Juusten Chronicorum episcoporum Finlandensium annotationibus et sylloge monumentorum illustratum, 1784–1800)²². Труд этот сложно назвать собственно историческим сочинением. Большую часть издания занимает двойной аппарат акрибии (примечания и комментарии к ним). По сути это было громоздкое собрание специальных исследований, лишенных внутренней связи, в которых Портан затрагивает множество проблем, связанных с финскими древностями: происхождение финнов, родственные связи с другими народами, историю и хронологию крестовых походов в Финляндию, народные верования и т. д.

Громоздкость издания и обилие материала дали впоследствии повод Снельману охарактеризовать Портана скорее как собирателя, нежели как ученого²³. Но и сам Портан называл эту работу «складским помещением» истории Финляндии. Он считал такой способ изложения, применительно к которому употребляют термин «ссылки без текста», единственным приемлемым в научном отношении. В ходе сбора источников первоначальная цель изменилась и теперь он, как бы обозначив ограду, складывал за нее все, что касалось финской истории [28; 181]. Главное то, что в рамках издания были собраны и подробно прокомментированы уникальные источники по средневековой финляндской истории, а также поставлены проблемы, решить которые предстояло будущим исследователям.

В работе «О финской поэзии» («De poësi Fennica», 1766–1778)²⁴ Портан первым указал на ценность народной поэзии и определил основы научного исследования фольклора, считая, что таким образом можно познать жизнь народа, его способ мышления [32; 101–121]. Им впервые была высказана мысль о возможности составления из карельских и финских народных песен некой целостности (свода, эпоса). Он предположил, что все народные песни происходят из единого источника, что они согласуются между собой по главному содержанию и основным сюжетам, поэтому, сравнивая варианты, можно возвращать их к более цельной и подходящей форме. На Портана, как и на многих его современников, огромное влияние оказали «Песни Оссиана» Джеймса Макферсона (1765) [32; 90], [37; 50] и, не зная, что Макферсон издал свои собственные стихи под видом песен древнего слепого певца, он считал, что финские народные песни можно издать так же. В начале XIX века эта идея Портана приобретает форму социального заказа, выражавшего потребности финского общества в поисках собственной идентичности, результа-

том чего стало издание в 1835 году «Калевалы» Лендрота.

Почти на полстолетия он предвосхитил идею Андерса Шегрена о целесообразности изучения истории и культуры русского и финно-угорских народов не изолированно друг от друга, а во взаимопроникновении различных национальных начал. Сам он отказался от предложения петербургского академика Петера Симона Палласа на средства из особого фонда Екатерины II совершить поездку по России с целью изучения финно-угорских народов, но постоянно писал о необходимости такой работы [8; 242]. В XIX веке идею осуществили Матиас Кастрен и другие исследователи финно-угорских народов России.

Словом, разносторонняя деятельность Портана сделала его пионером во многих областях знаний в Финляндии. К нему восходят корнями фольклористика и лингвистика, история и археология, педагогика и география. Своим многообразным творчеством он во многом подготовил те национальные научные программы, которые с успехом претворялись в жизнь уже в XIX столетии.

К заслугам Портана следует отнести и создание вместе с друзьями-единомышленниками общества «Аврора» в 1770 году, которое год спустя начало издавать в Турку первую в Финляндии шведоязычную газету «Tidningar utgifne af et Sällskap i Åbo». Способствуя распространению идей неогуманизма и подогревая в обществе интерес к финскому языку, истории, культуре, редактируемая Портаном газета постепенно приучала финнов к гласности, к публичному обсуждению насущных проблем [16; 93–97], [32; 16]. Впрочем, даже критикуя политику шведских властей в княжестве, Портан всегда оставался лояльным роялистом и верным подданным шведского короля.

Следует отметить, что растущее давление со стороны короны способствовало возникновению в последней трети XVIII века у части просвещенной финляндской элиты идей регионального сепаратизма. Среди финляндского офицерства, недовольного прежде всего военной политикой Густава III, в 1780-е годы распространяются идеи о возможности отделения Финляндии от Швеции. Ведущую роль в этом играл полковник Георг Магнус Спренгтпортен (Göran Magnus Sprengtporten, 1740–1819), друг и соратник, а затем непримиримый враг короля. Итоги русско-шведских войн первой половины XVIII века, рост могущества России и реваншистская политика шведского правительства породили мысль о том, что со временем Швеция потеряет всю Финляндию. Придя к выводу о неизбежном поражении королевства в русско-шведском споре за княжество, Спренгтпортен считал необходимым скорейший добровольный переход под покровительство России. Это, по его мнению, по-

зволило бы Финляндии сохранить внутреннюю самостоятельность. В 1786 году Спренгтпортен переходит на русскую службу, где разрабатывает проекты автономной Финляндии под российским протекторатом [6; 624–626]. Впрочем, идею самостоятельности Финляндии поддерживала лишь небольшая часть патриотически настроенных молодых офицеров, находившихся под сильным влиянием идей французских просветителей и вдохновленных победой североамериканских колоний Англии. Вне офицерской среды идея эта поддержки не находила – слишком велик был страх перед Россией среди образованных кругов и народа.

Что касается Х. Г. Портана, то его интерес к России определялся прежде всего его изысканиями в области истории, культуры, языка финского народа. В работах Портана, его обширной переписке мы повсеместно находим свидетельства живого интереса к России, ее истории, науке, культуре многочисленных народов, ее населяющих²⁵. Он внимательно следил за политическими событиями, происходившими в империи, давая им в письмах зачастую крайне резкие оценки (как и некоторым российским самодержцам, особо он не жаловал Павла I). Весьма негативно он относился к российскому самодержавию, полностью не принимая институт крепостничества и многие другие политические порядки в империи. Впрочем, он критиковал и политику Густава III, но при этом категорически отвергал планы Спренгтпортена и его соратников и, допуская, что они пекутся о благе своего народа, все же называл их безумными авантюристами. Анализируя историю шведско-русских отношений, Портан также понимал, что набирающая мощь Россия в конце концов завоюет Финляндию, но в отличие от Спренгтпортена он не верил, что Финляндии будет предоставлена самостоятельность, и очень боялся этого присоединения [3; 148–149], [8; 242]. Общее государство финнов и шведов Портан обозначал словом «*patria*» – «отчизна», и его позиция в вопросе об отношении к России и будущему Финляндии очень важна, если учитывать ту роль, которую он играл в Туркуском университете своего времени.

В современной финляндской историографии Портана оценивают как «великого финна, верноподданного шведа и убежденного европейца» [33; 8]. Предлагаемые им концепции национального развития были порождением своего времени, они не предусматривали строительства собственно финского государства, развиваясь в духе национальной философии эпохи Просвещения. Это были первые, интуитивные шаги к национальной идентификации, еще не до конца осознанной теми, кто стоял у истоков конструирования финской нации. Портан строил свои изыскания, следя формуле Гердера «*Denn jedes Volk ist Volk; es hat seine National Bildung wie*

seine Sprache»²⁶ [5; 7–8], просто стараясь включить и финнов в этот всемирный ряд народов. Мы бы не стали называть это «ранним финским национализмом» (по определению Маннинена [26; 207]) во избежание терминологической путаницы и учитывая многообразие подходов в современных исследованиях национализма. О финском *национальном движении* действительно можно говорить лишь применительно к XIX веку. Если прибегать к классификации, предложенной Мирославом Хрохом [5; 125], на фазах А и В – 1820–50-е годы – Портан остался в забвении, хотя лидеры культурной фенномании, а затем Снельман, Сигнеус, Топелиус продолжали именно им начатые проекты по изучению культуры, языка, фольклора финского народа, созданию национальной литературы и системы образования. Лишь при переходе к фазе С, когда фенноманам потребовались национальные символы для массовой поддержки в обществе, образ Портана их усилиями становится по сути олицетворением «финского национального духа»²⁷. Но это лишь внешняя, вполне конструктивистская, связь, которой недостаточно для ответа на вопрос о роли Портана в становлении финляндской национальной мысли. В понятие «национальная мысль» мы вкладываем не только идеи нациестроительства, а гораздо более широкий гуманитарный контекст. И в этом плане работа, начатая «учителем всей Финляндии», была чрезвычайно важна для становления всего гуманитарного знания. Мощное интеллектуальное и философское движение, охватившее Европу в XVII–XVIII веках и названное Просвещением, формируясь на почве различных традиций, имело в каждой из стран свою специфику. Исследование этой специфики позволяет нам лучше понять общие механизмы происхождения идей, процессы их движения и трансформаций, ведущих к созданию и восприятию национальных концептов.

Нам кажется, что можно говорить и о другом наследии Портана. Лидерами финского национального движения XIX века во многом были усвоены его методы мышления, хотя сами они этого, может быть, и не осознавали. Бунтарь и «будитель нации» в начале 1820-х годов Арвидссон со временем стал предлагать гораздо более взвешенную и осторожную тактику в деле становления национальной государственности. Радикальный публицист 1840-х Снельман в 1860-е годы предложил финнам «клинико политического реализма». Представляется, что и успешность национального движения в Финляндии XIX столетия (помимо, конечно, и других факторов) в значительной степени была обусловлена приверженностью многих его лидеров философии «золотой середины» и «здравого смысла», которая была предложена финнам Хенриком Габриэлем Портаном.

*Статья подготовлена в рамках проекта «Fennica» Программы стратегического развития ПетрГУ.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Topelius Z. Det Stora Ingenting // Vasenius V. Zacharias Topelius: hans lif och skaldegärning. Tredje delen. Helsingfors, 1918. S. 247–248. Перевод со шведского И. Р. Такала.
- ² Snellman J. V. Kirje Fredrik Cygnaeukselle, heinäk. 1840 // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa XII. Porvoo: WSOY, 1930. S. 134.
- ³ Tengström J. J. Muutamista Suomen kirjallisuuden ja kulttuurin esteista // Arwidssonista Snellmaniin: Kansallisista kirjoitelmia vuosilta 1817–1844. Helsinki: SKS, 1929. S. 1–53.
- ⁴ Juslenius D. Vanha ja uusi Turku. Helsinki: SKS, 1987. S. 39–40.
- ⁵ В русскоязычной литературе фамилию Chydenius передают по-разному – Чудениус, Чюдениус, Шюдениус.
- ⁶ Anders Chydenius – suuri suomalainen valistuskirjailija. Helsinki: Alea-Kirja Oy, 1986. 520 s.; Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. 440 s.
- ⁷ «Эра свобод» – период в истории Швеции (1719–1772), когда власть короля была ограничена конституцией и реально принадлежала четырехсоставному риксдагу (парламенту). В советской историографии этот период принято называть «режимом сословного парламентаризма».
- ⁸ Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. S. 55–56.
- ⁹ Antti Chydeniuksen valitut kirjoitukset. Porvoo: WSOY, 1929. S. 293, 333–335, 355–359, 382.
- ¹⁰ Следует иметь в виду, что во времена Портана в Туркуском университете студенты должны были публично защищать диссертационные работы двух видов: бакалаврские (pro exercitio) и магистерские (pro gradu). Часто работы первого вида, назначение которых состояло главным образом в демонстрации владения латынью, писались не самим студентом, а его научным руководителем, что давало возможность преподавателю публиковать материалы своих научных исследований. Под руководством Портана за 40 лет его работы в университете было представлено к обсуждению 211 диссертаций, из них 137 pro exercitio и почти все они – 115 несомненно – написаны самим Портаном [29, 138].
- ¹¹ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. XI: 2. S. 155–170.
- ¹² Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. S. 3–128.
- ¹³ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 209–271.
- ¹⁴ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. XI: 2. S. 424–439.
- ¹⁵ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. X. S. 441–444.
- ¹⁶ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 226, 237, 238, 244, 250, 252, 266, 267, 270.
- ¹⁷ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 265.
- ¹⁸ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 221 s.
- ¹⁹ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 217, 221, 259; Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. 14 s.
- ²⁰ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 221 s.
- ²¹ Henrici Gabrielis Porthan Theses Omnes // Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteenit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. S. 258; Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. II. S. 309–322, 201–336.
- ²² Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. VI–XIII; Henrik Gabriel Porthan. Valitut teokset. Jyväskylä: SKS, 1982. S. 144–236.
- ²³ Snellman J. V. Kuka Porthan oli? // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930. S. 93–100.
- ²⁴ Henrici Gabrielis Porthan Opera Omnia. Vol. I–XIII. Turku: Porthan-seura, 1939–2007. Vol. IX.
- ²⁵ Портан Х. Г. Основные черты русской истории // Первый университетский курс истории России за рубежом в XVIII в. М., 1982. С. 20–91.
- ²⁶ «Ведь каждый народ – это народ; он имеет свою национальную культуру, как и свой язык».
- ²⁷ Snellman J. V. Kuka Porthan oli? // Snellman J. V. Kootut teokset. Osa X. Porvoo: WSOY, 1930. 100 s.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вирранкоски П. Андерс Чудениус // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 707–717.
2. Клингэ М. На чужбине и дома. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 304 с.
3. Лайдинен А. П. Очерки истории Финляндии второй половины XVIII в. Л.: Наука, 1972. 160 с.
4. Мысли вченко А. Г. Философская мысль в Швеции. М.: Наука, 1972. 264 с.
5. Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др. М.: Практис, 2002. 416 с.
6. Сюрий В.-М. Георг Магнус Спренгтортен // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 622–629.
7. Такала И. Р. Финляндский просветитель А. Шюдениус // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 94–106.
8. Такала И. Р. О связях ученых Туркуского университета с Петербургской Академией Наук в XVIII в. // Скандинавские чтения 2002 г. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 2003. С. 236–244.
9. Таркиайнен К. Хенрик Габриэль Портан // Сто замечательных финнов. Хельсинки, 2004. С. 471–480.
10. Толстиков А. В. Анатомия истории Улофа Рюдбека // Одиссей. Человек в истории. М., 2007. С. 169–189.
11. Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadalleemme. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 230 s.
12. Alainen A. J. Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki: WSOY, 1964. 690 s.
13. Alainen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. Helsinki: WSOY, 1963. 634 s.
14. Frängsmyr T. Sökandet efter upplysningen. En essä om 1700-talets svenska kulturdebatt. Höganäs: Wiken, 1993. 200 s.
15. Heikkilä A. Hyöty, valistus ja koulu. Suomen aate- ja oppihistoria 1700-luvulla. Helsinki: Ylioppilastuki, 1972. 197 s.
16. Ikonen R. Valistunut elämänsenne ja yhteisön onni – Hyvä elämä kustavilaisen kauden turkulaisvalistuksessa // Kasvatus & Aika. 2013 7 (1). S. 89–103.

17. Jaakkola J. Suomen historian isä // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 223–239.
18. Joutsivuo T. Papeiksi ja virkamiehiksi // Huoneentaulun maailma. Kasvatus ja koulutus Suomessa keskiajalta 1860-luvulle. Helsinki, 2010. S. 136–155.
19. Kajanto I. Porthan and classical scholarship: A Study of Classical Influences in Eighteenth Century Finland. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 1984. 165 s.
20. Kerkkonen M. H. G. Porthan ja 1700-luvun taloudellinen harrastussuunta // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 243–250.
21. Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 276 s.
22. Klinge M. Mika mies Porthan oli? Helsinki: SKS, 1989. 104 s.
23. Klinge M. Professoreita. Helsinki: Otava, 1984. 224 s.
24. Klinge M., et al. Kuninkaallinen Turun akatemia 1640–1808. Helsinki: Otava, 1987. 740 s.
25. Koskimies R. Porthanin aika: tutkielmia ja kuvauksia. Helsinki: Otava, 1956. 414 s.
26. Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti: Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s.
27. Matinolli E. H. G. Porthanin muistopatsaan syntyhistoria // Turun Historiallinen Arkisto XVI. Turku, 1963. S. 203–217.
28. Palander G. H. G. Porthan historian tutkijana. Helsinki: Weilin & Göös, 1901. 350 s.
29. Palander G. Henrik Gabriel Porthan yliopiston opettajana // Suomen uudemmaista historiasta III. Helsingi, 1902. S. 1–222.
30. Palander G. Henrik Gabriel Porthan: elämäkerran luonnos. Helsinki: Kansanvalistus-seura, 1904. 198 s.
31. Pietarinen J. Eurooppalainen filosofia ja Turun akatemia // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 5–15.
32. Porthanin monet kasvot: kirjoituksia humanistisen tieteen monitaiturista. Helsinki: SKS, 2000. 178 s.
33. Rikkonen H. K. J. G. Herderin tuntemus Turun akatemian piirissä Porthanin ja Franzénin aikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006. S. 265–290.
34. Salomaa J. E. Kantin filosofian ensimmäinen vastaanotto Suomessa // Valvoja-aika. 1927:1. S. 425–439.
35. Salomaa J. E. Porthanin filosofinen maailmankäsitys // Turun Historiallinen Arkisto VII. Turku, 1939. S. 3–20.
36. Tarkainen V. Henrik Gabriel Porthan. Helsinki: SKS, 1948. 80 s.
37. Tommila P. Suomen historiankirjoitus: tutkimuksen historia. Porvoo: WSOY, 1989. 331 s.
38. Tähtinen J. Henrik Gabriel Porthanin käsitykset opetuksesta ja oppimisesta // Samalta viivalta 3. Kasvatusalan valintayhteistyöhankkeen (VAKAVA) kirjallisen kokeen aineisto 2009. Jyväskylä, 2009. S. 15–44.
39. Uhr C. G. Anders Chydenius, 1729–1803, A Finnish Predecessor to Adam Smith // Economic Inquiry. 1964. Vol. 2. Issue 2. P. 85–116.
40. Viljamaa T. Porthan – ”koko Suomen opettaja” // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 1–4.
41. Virrankoski P. Anders Chydenius: demokraattinen poliitikko valistuksen vuosisadalta. Juva: WSOY, 1986. 498 s.

Takala I. R., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

FROM FENNOPHILIA TO FENNOMANIA: HENRIK GABRIEL PORTHAN AND DEVELOPMENT OF FINNISH NATIONAL THOUGHT

This paper examines peculiarities of the Finnish social and national thought in the second half of the XVIIIth century. Characteristic features of the Finnish Enlightenment period are revealed. Special attention is paid to the philosophical heritage of Henrik Gabriel Porthan (1739–1804). His philosophical legacy had a significant impact on the development of Finnish humanities and establishment of the Finnish national movement in the XIXth century.

Key words: history of Finland, Enlightenment, national thought, Henrik Gabriel Porthan, Fennomans, University of Turku (Åbo Akademi)

REFERENCES

1. Virrankoski P. Anders Chydenius [Anders Chydenius]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 707–717.
2. Klinge M. *Na chuzhbine i doma* [Abroad and at Home]. St. Petersburg, Kolo Publ., 2005. 304 p.
3. Laydinen A. P. *Ocherki istorii Finlyandii vtoroy poloviny XVIII v.* [Outlines of the History of Finland in the second half of the 18th century]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. 160 p.
4. Myslivchenko A. G. *Filosofskaya mysль v Shvetsii* [Philosophical Thought in Sweden]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 264 p.
5. *Natsii i natsionalizm* [Nations and Nationalism] / B. Anderson, O. Bauer, M. Khrokhi dr. Moscow, Praksis Publ., 2002. 416 p.
6. Syur'ye V.-M. Georg Magnus Sprengtporten [Georg Magnus Sprengtporten]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 622–629.
7. Takala I. R. A Finnish Enlightener A. Chydenius [Finlyandskiy prosvetitel' A. Shchyudenius]. *Voprosy istorii Evropeyskogo Severa* [Questions on the History of Northern Europe]. Petrozavodsk, 1988. P. 94–106.
8. Takala I. R. On connections between scholars of the University of Turku and the St.Petersburg Academy of Sciences in the Eighteenth Century [O svyazyakh uchenykh Turkuskogo universiteta s Peterburgskoy Akademiey Nauk v XVIII v.]. *Skandinavskie chteniya 2002 g. Etnograficheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty* [Scandinavian Readings 2002. Ethnographic, Cultural and Historical Aspects]. St. Petersburg, 2003. P. 236–244.
9. Tarkainen K. Khenrik Gabriel' Portan [Khenrik Gabriel' Portan]. *Sto zamechatel'nykh finnov* [One Hundred Greatest Finns]. Helsinki, 2004. P. 471–480.
10. Tostikov A. V. Anatomy of Olof Rudbeck's history [Anatomiya istorii Olofa Ryudbeka]. *Odissey. Chelovek v istorii* [Odysseus. Man in History]. Moscow, 2007. P. 169–189.
11. Aate ja maailmankuva: Suomen filosofista perintöä keskiajalta vuosisadallemme. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1979. 230 s.
12. Alaneen A. J. Suomen historia kustavilaisella ajalla. Helsinki: WSOY, 1964. 690 s.

13. Alonen A. J. Suomen historia vapaudenajalla. Helsinki: WSOY, 1963. 634 s.
14. Frängsmyr T. Sökandet efter upplysningen. En essä om 1700-talets svenska kulturdebatt. Höganäs: Wikén, 1993. 200 s.
15. Heikkinen A. Hyöty, valistus ja koulu. Suomen aate- ja oppihistoria 1700-luvulla. Helsinki: Ylioppilastuki, 1972. 197 s.
16. Ikonen R. Valistunut elämänasenne ja yhteisön onni – Hyvä elämä kustavilaisen kauden turkulaisvalistuksessa // Kasvatus & Aika. 2013 7 (1). S. 89–103.
17. Jakkola J. Suomen historian isä // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 223–239.
18. Joutsivuo T. Papeiksi ja virkamiehiksi // Huoneentaulun maailma. Kasvatus ja koulutus Suomessa keskiajalta 1860-luvulle. Helsinki, 2010. S. 136–155.
19. Kajanto I. Porthan and classical scholarship: A Study of Classical Influences in Eighteenth Century Finland. Helsinki: Akademia Scientiarum Fennica, 1984. 165 s.
20. Kerkonen M. H. G. Porthan ja 1700-luvun taloudellinen harrastussuunta // Historiallinen aikakauskirja. 1939. № 3. S. 243–250.
21. Kinnari I. Hyödyllisiä ja mielekkäitä oppeja kotiin vietäväksi. H. G. Porthanin väitösteesit ja akateeminen kasvatus. Turku: Turun yliopisto, 2012. 276 s.
22. Klinge M. Mika mies Porthan oli? Helsinki: SKS, 1989. 104 s.
23. Klinge M. Professorita. Helsinki: Otava, 1984. 224 s.
24. Klinge M., et al. Kuninkaallinen Turun akatemia 1640–1808. Helsinki: Otava, 1987. 740 s.
25. Koskimies R. Porthanin aika: tutkielmia ja kuvauksia. Helsinki: Otava, 1956. 414 s.
26. Manninen J. Valistus ja kansallinen identiteetti: Aatehistoriallinen tutkimus 1700-luvun Pohjolasta. Helsinki: SKS, 2000. 263 s.
27. Matinoli E. H. G. Porthanin muistopatsaan syntyhistoria // Turun Historiallinen Arkisto XVI. Turku, 1963. S. 203–217.
28. Palander G. H. G. Porthan historian tutkijana. Helsinki: Weilin & Göös, 1901. 350 s.
29. Palander G. Henrik Gabriel Porthan yliopiston opettajana // Suomen uudemmasta historiasta III. Helsinki, 1902. S. 1–222.
30. Palander G. Henrik Gabriel Porthan: elämäkerran luonnos. Helsinki: Kansanvalistus-seura, 1904. 198 s.
31. Pietarinen J. Eurooppalainen filosofia ja Turun akatemia // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 5–15.
32. Porthanin monet kasvot: kirjoituksia humanistisen tieteen monitaiturista. Helsinki: SKS, 2000. 178 s.
33. Rikonen H. K. J. G. Herderin tuntemus Turun akatemian piirissä Porthanin ja Franzénin aikana // Herder, Suomi, Eurooppa. Helsinki, 2006. S. 265–290.
34. Salomaa J. E. Kantin filosofian ensimmäinen vastaanotto Suomessa // Valvoja-aika. 1927:1. S. 425–439.
35. Salomaa J. E. Porthanin filosofinen maailmankäsitys // Turun Historiallinen Arkisto VII. Turku, 1939. S. 3–20.
36. Tarkiainen V. Henrik Gabriel Porthan. Helsinki: SKS, 1948. 80 s.
37. Tommila P. Suomen historiankirjoitus: tutkimukseen historia. Porvoo: WSOY, 1989. 331 s.
38. Tähtinen J. Henrik Gabriel Porthanin käsitykset opetuksesta ja oppimisesta // Samalta viivalta 3. Kasvatusalan valintayhteyshankkeen (VAKAVA) kirjallisen kokeen aineisto 2009. Jyväskylä, 2009. S. 15–44.
39. Uhr C. G. Anders Chydenius, 1729–1803, A Finnish Predecessor to Adam Smith // Economic Inquiry. 1964. Vol. 2. Issue 2. P. 85–116.
40. Viljamaa T. Porthan – ”koko Suomen opettaja” // AURAICA. Scripta a Societate Porthan edita. 2012. Vol. 5. S. 1–4.
41. Virrankoski P. Anders Chydenius: demokraattinen poliitikko valistuksen vuosisadalta. Juva: WSOY, 1986. 498 s.

Поступила в редакцию 10.12.2013